

ПСЕВДОПЕРСОНЫ В РИМСКОМ ПРАВЕ (КЛАССИКА РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ РОМАНИСТИКИ: И.А. ПОКРОВСКИЙ)

Аннотация. Развитие представлений о формах союзной деятельности сопряжено с обращением к трудам российских юристов-романистов. Наследие И.А. Покровского позволяет выделить проблемные направления историко-правовых исследований римского права с перспективной проекцией на современные концепции юридического лица. В статье отмечается, что публичные и частные объединения в древнеримском государстве есть формы юридизации социально-воспроизводственных инициатив, которым свойственны общие признаки: объединение имущества, благ и труда людей; их юридическое обособление в системе общественных отношений; управление этими активами; организация представительства соответствующих интересов учредителей союзных объединений.

Ключевые слова: имущество, псевдоперсона, публичный интерес, римское право, собственность, труд, частный интерес, юридическое лицо.

Рассмотрение проблемы юридических лиц требует непрямого обращения к трудам первых российских романистов. Как отмечает А.Д. Рудоквас, «Становление российской романистики как научной школы неразрывно связано прежде всего с именами таких видных представителей отечественной науки, как С.А. Муромцев, Н. П. Боголепов, В.М. Хвостов, Д.Д. Grimm, Н. Дювернуа и др. Особое место в этом ряду занимает Иосиф Алексеевич Покровский»¹.

Известно мнение И.А. Покровского о том, что «в самом Риме эта форма союзной организации вырабатывалась медленно и на всем протяжении римской истории» и учёный признаёт эту находку в качестве «крупнейшей заслуги римского права», но подчёркивает недоступность идеи юридического лица для примитивного юридического мышления того периода².

Можно ли согласиться с последним утверждением?

Если примитивизм юридического мышления заключается в том, чтобы признать факт недееспособности собственно союза как псевдоперсоны, не способной участвовать в правоотношениях от собственного лица (абстракт-

* *Борисов Андрей Маркович, кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Курского государственного университета, andrei_borisov@mail.ru*

¹ Рудоквас А.Д. Иосиф Алексеевич Покровский и изучение римского права в России. См.: Покровский И.А. История римского права. Вступит. статья, переводы с лат., научн. ред. и коммент. А.Д. Рудокваса. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», Журнал «Нева», 1999. С. 5.

² Покровский И.А. История римского права. – Вступит. статья, переводы с лат., научн. ред. и коммент. А.Д. Рудокваса. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», Журнал «Нева», 1999. С. 304–305.

ция), то мы видим в этом лишь последовательность в признании сознания и воли как сущностных и естественно-природных «принадлежностях» индивида (конкретного одушевлённого лица) и проецировании этого взгляда на концепцию полностатутного субъекта права, в которую неодушевлённое лицо не вписывается. Мы видим в этом абсолютную логику юридической мысли конструкторов правоотношений в Древнем Риме, выстраивающих право на основе действительного, реального в социальных отношениях.

Не стоит рассматривать как достоинство современной юриспруденции, базирующейся на т.н. развитом праве и демонстрирующей порой стремление к выходу на естественно-правовые начала (соответствие идеальному) в качестве основы для построения правовых отношений, наличие в ней множества разнополярных взглядов и противоречивых концепций, не открывающих возможности для выхода правовой мысли из состояния застоя. Не радует и зависимость юридической науки от парламентариев, подстраивающих право под политические запросы доминирующих социальных групп, выбирающих и воплощающих в жизнь законодательные формулы бесперспективных моделей правоотношений. Юридическая наука старается «поспеть» за законодателем, предлагая научные обоснования подобных нововведений и утрачивая самостоятельность в выборе направлений развития права.

Юриспруденция Древнего мира отличается эволюционностью и её развитие характеризуется тем, что творцы римского права, во-первых, исходили из реального в жизни, руководствуясь фактическим содержанием общественного отношения. Во-вторых, при совершенствовании правовых концептов они оставались последовательными приверженцами правила «право строится на факте».

Оценивая теорию юридического лица, которая не относится к фундаментальным юридическим теориям, уместно привести высказывания И. Бентама, изложенные в его труде «Принципы законодательства»: «Фикція не есть доводъ. – Подъ фикціей я разумѣю завѣдомо ложное положеніе, на которомъ кто-нибудь строить свое доказательство, как на истинномъ»¹; «Не слѣдуетъ счастіе челоувѣчества ставить въ зависимость отъ фикціи. Не слѣдуетъ возводить социальную пирамиду на фундаментъ из песка или на глинь, которая обсыпается. Эти игрушки надо оставить дѣтям: взрослые люди должны говорить языкомъ истины и разума»².

Приведём ряд заключений И.А. Покровского о римском праве, в которых можно увидеть разграничение публичного и частного, превосходство

¹ Бентам Иеремия. Принципы законодательства; О влиянии условий времени и места на законодательство; Руководство по политической экономии. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. – 144 с. (Классика политэкономической мысли). С. 58.

² Там же. С. 62.

публичного права над квиритским, доминирующее значение начал исключительно вещного права в обеих сферах отношений:

а) о государственном имуществе (земли, рабы и т.д., в том числе имущество курий и триб, как специальное имущество государства):

- находятся вне обычных гражданских отношений;
- нет субъективных прав на них, а есть только объективное управление ими в интересах народа;
- это управление находится в руках представителей власти;
- совершается оно по началам права публичного;
- вследствие этого арендные сделки с частными лицами в отношении такого имущества не являются договорами обычного гражданского права и потому свободны от форм, необходимых для этих договоров, а споры по ним подлежат не обычному суду, а административному разбирательству, субъектом которого выступает магистрат;

– не идея регулирования и охраны чьих-либо субъективных прав, а идея управления имуществом, никому, в частности, не принадлежащим, определяет собою всю данную обширную область отношений;

б) о вещах, предназначенных для служения религиозным потребностям (к ним отнесены места погребения и городские стены):

- изъяты из обычного (квиритского) оборота;
- на них также не может быть чьих-либо субъективных прав;
- их неприкосновенность охраняется в публичном порядке магистратами и в сакральном порядке приставленными к ним коллегиями жрецов;

в) о вещах частных корпораций (к ним отнесены союзы с религиозными целями, профессиональные союзы, например, ремесленников): это имущество юридически рассматривается или как имущество всех отдельных членов (по правилам товарищества) в известных долях, или как имущество одного из них – того, кто является казначеем¹.

Говоря об объективном управлении государственными имуществами, И.А. Покровский подмечает особые признаки: это управление осуществляется в интересах народа; применительно к характеристике государственной казны, а мы полагаем и к аналогам её, он резюмирует, что *она является не субъектом прав* (выделено нами), не юридическим лицом, а только складочным местом для государственных ценностей², единым центром государственных средств³ (особенность данной позиции: казна – склад или форма объединения, способ накопления и хранения всеобщих эквивалентов стоимости – различные драгоценности и деньги).

По поводу коллегий жрецов, управляющих в сакральном порядке ответственными имуществами, учёный также делает сущностную оговор-

¹ См. Покровский И.А. Указ. соч. С. 305–307.

² Там же. С. 306.

³ Там же. С. 312.

ку: они не являются субъектами прав на сакральное имущество и являются только органами наблюдения и управления. В публичном порядке эти имущества охраняются магистратами¹.

Очевидно, что и здесь просматривается юридическая форма консолидации имущества и благ (знания), труда, а также форма представительства определённых интересов как публичного, так и частного свойства.

В отношении частных корпораций признаётся, что они имеют известную организацию и известное общее имущество – общую кассу, но вовне как особое юридическое лицо не выступают: третьи лица имеют дело только с отдельными членами.

И в этом случае очевидно особое значение представительства, как особой юридической связи реальных участников правоотношений.

Интересны констатации: «в римском праве мы не находим ясно выраженной теории о государстве, как особом юридическом лице»².

Однако вывод, который делает И.А. Покровский, – вывод исследователя, несущего определённую долю предположений и выражающего гипотезы.

К таким предположениям можно отнести то, которое касается «улавливаемой» из изучения римских текстов необходимости создания в тех условиях «некоторого единого экономического центра», «обособленного от тех или других юридических лиц» (?!) и «наделённого способностью к самостоятельной юридической деятельности»³. Подчеркнём, что эта необходимость всего лишь, только «чувствуется»⁴.

Так восприниматься И.А. Покровским эта гипотетическая идея, якобы формирующаяся в Древнем Риме, могла под влиянием развивающихся в конце XIX в. экономических отношений, которые определили направления развития т.н. развитого права, в котором уже присутствует фигура юридического лица, выделяемого европейскими юристами. Однако не факт, что такая необходимость «чувствовалась» творцами римского права, нашедшими достаточно ясные приёмы отграничения интересов частного лица от публичных интересов во всех правовых формах их соприкосновения.

«Публично-правовой характер отношений государства к частным лицам постепенно сглаживался, как в сделках, так и в процессе»⁵ утверждал И.А. Покровский, усматривая причиной зарождающееся представление о субъективных правах народа («единство») на принадлежащее ему имущество, а следствием – движение «в сторону представления о казне как об особом юридическом лице».

¹ Там же. С. 306.

² Там же.

³ Там же. С. 307.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Однако заметим, что это сфера конституционно-правовых отношений, выходящих на экономические основы «народоправства» (конституционная экономика), но не сфера гражданско-правового свойства с участием обособленного (юридического) лица по поводу определённого имущества. Тем более, что все производные лица рассматривались как своеобразный способ организации сложного спектра общественных отношений. Поэтому тезис о «казне как об особом юридическом лице» нам представляется несколько искусственным и противоречащим изначально выраженному взгляду. К тому же, магистрат не является абсолютно самостоятельным звеном управления и при осуществлении представительских функций, в том числе при заключении сделок с частными лицами, он в большей степени ориентирован на следование решениям (мнениям), исходящим от вышестоящего органа власти, чем на осознаваемые членами магистрата интересы народа, которые, однако, самим народом никак не выражены. Наконец, эволюция римского права обуславливалась эволюцией властных отношений, в которой явно просматривается усиление личного элемента (император) в ущерб публичному элементу – субъективным правам народа.

Аналогичный вывод делается и в отношении частных корпораций в связи с допускаемым установлением в уставе «принципа нераздельности этого общего имущества: отдельные члены не могут потребовать выдела своей части, уход одних членов и вступление других на общем имуществе не отзывается»¹. Создаётся, как отмечает И.А. Покровский, «известная обособленность имущества от его юридических субъектов»², которая всё же фиксируется «вокруг известного, ещё не выраженного центра»³.

Этот «ещё не выраженный центр» по прошествии полутора тысячелетий оказался востребованным субъектами управления как основными акторами развития социально-экономических отношений, собственниками имуществ и развивающихся производств, и выражен развитым правом в форме юридического лица.

Полагаем, что в тот, характеризующийся чередой социальных катаклизмов древний период развития и упадка римской государственности, трудности хозяйствования и управления публичными имущественными комплексами побудили власти Рима искать способы устойчивого функционирования публичных институтов в виде особой формы обособления имущества при очевидном ущемлении интересов участников частных корпораций. Эти цели достигались изданием соответствующих правовых актов управления, принимающих силу закона. Как мы полагаем, в этом случае к классическим условиям (традициям) существования частных корпо-

¹ Там же. С. 308.

² Там же.

³ Там же.

раций, достигаемым самими участниками (учредителями) договорным путём, добавились поздние условия, определяемые административно-распорядительными регламентами (ограничениями) власти.

Таким образом, изменились сами условия создания таких корпораций за счёт добавления новых актов, ограничивающих самостоятельную волю их участников. Но и в этом случае принцип управления посредством представительства оставался неизменным. Так же, как остались практически неизменными и не ущемляющими права новых членов корпораций правила перехода права собственности и наследования.

Полагать, что городские общины, муниципии, составлявшие ранее самостоятельные государства, а затем наделённые правом на внутреннее самоуправление, были «наделены правами гражданства» затруднительно, ибо это, опять же, вопрос строительства государства, вопрос выбора формы государственного устройства (конституционно-правовой аспект)¹. Их инкорпорирование в римское государство – вопрос поиска и выбора формы государственного устройства и создания условий для хозяйственной деятельности новой экономической единицы, удовлетворяющих интересам римского государства.

Заметим, что, во-первых, в таких случаях внутреннее самоуправление осуществлялось в рамках общей системы управления римскими территориями и предусматривало представительские отношения. Во-вторых, участие таких общин в гражданском обороте, как подчёркивает И.А. Покровский, осуществлялось также на началах представительства.

Признание ограниченной правосубъектности союзных лиц в деликтных отношениях, особенностей их положения как частных лиц в контексте имущественных отношений, в том числе в вопросах наследства, означает всего лишь признание необходимости правовой формы обособления имуществ (юридико-техническое решение, правовой способ), но не признание их юридическими лицами.

Перевод А.Д. Рудокваса одного из положений Юстиниановского свода ясно показывает ограниченное положение союзных лиц: «тем же, кому дозволено иметь объединение под названием коллегии, товарищества или каким-либо другим такого рода, свойственно по образцу общины (*rei publicae*) иметь общие имущества, общую казну и представителя (*actor*)

¹ Например, Российская Федерация и субъекты Российской Федерации рассматриваются в качестве юридических лиц публичного права. Конституцией России установлены их предметы ведения, а также полномочия соответствующих органов государственной власти (мы не касаемся местного самоуправления), но в ней вообще ничего не говорится о юридических лицах (говорится о народе, государстве и его субъектах, поселениях, органах власти, органах местного самоуправления, общественных объединениях, учреждениях и иных субъектах управления, что доктринально должно определять иное наполнение их статуса в законодательстве страны, в т.ч. в гражданском.

или синдика, через которого так же, как в общине, то, что должно делаться и совершаться сообща, делается и совершается»¹.

Подчеркнём, следующее: «тем же, кому дозволено» – это физические лица, выступающие в роли учредителей и членов союза; им, а не коллегии или товариществу свойственно иметь «общие имущества, общую казну и представителя»; только через представителя может осуществляться общинная деятельность (действует не союзное лицо, а его представитель, который и отвечает за деликтное деяние).

По поводу государственных земель и рабов (*res publicae*) и иных обособленных имуществ публичного характера И.А. Покровский отмечает: «Нет субъективных прав на них, а есть только объективное управление ими в интересах народа»².

Иными словами, в отношении публичных союзов (например, государство) налицо объективная необходимость в надлежащем управлении общим имуществом в общих интересах, в интересах каждого из членов определённой общности (народа), а в отношении частных союзов – необходимость управления складочным фондом и его использования в интересах участников частного союза. Именно это имел в виду И.А. Покровский, утверждая, что «не идея регулирования и охраны чьих-либо субъективных прав, а идея управления имуществом, никому, в частности, не принадлежащим, определяет собою всю данную обширную область отношений»³.

Если государство, выражаясь современным языком, – юридическое лицо публичного права, то представление интересов образующего его народа (государственных интересов) осуществляется посредством института представителей (субъекты государственного управления). Соответственно, любое юридическое лицо частного права как средство организации любого общественного отношения, используется для оформления соответствующих учредительных и связанных с ними функциональных общественных отношений, приобретающих характер правоотношений, конкретными физическими лицами – учредителями и представителями юридического лица.

Не «идея юридического лица» – продукт римского права, а идея обособления социально-воспроизводственных потенциалов (люди, имущества и блага, труд) как правового способа организации жизнедеятельности, а также идея представительства общинных интересов в данных правоотношениях, которые и получили «основное практическое выражение».

Полагаем необходимым отметить недостаточность аргументации, построенной исключительно на признании факторного значения имущества для возникновения «союзных» лиц. Безусловно, мысль о юридическом лице, рождённая представителями римского права, есть приём юридической

¹ См.: Покровский И.А. Указ. соч. С. 311.

² Там же. С. 306.

³ Там же.

техники «для введения в оборот имущественной массы, так или иначе обособленной от имущества физических лиц», и эта мысль «была выражена римским правом отчётливо»¹. Эта особенность подчёркивалась всеми исследователями римского права.

Действительно, юридическое лицо – это своеобразное правовое оформление имуществ, а точнее, собственности.

Однако, как мы уже отмечали², объединению и, одновременно, обособлению подлежал труд (служение) людей в зависимости от предназначённости той или иной общины, коллегии, корпорации и т.д. (союзы религиозные, различные профессиональные объединения ремесленников, корпорации взаимопомощи и др.).

Тогда юридическое лицо – это, одновременно, своеобразное правовое оформление коллективного труда.

Мы вправе говорить об определённом обособлении посредством приобретения особого правового статуса самих людей как членов тех или иных союзных организаций. Есть основания полагать, что обособлению подлежали определённые знания как блага.

Две фундаментальные экономические категории – имущество и труд человека трансформируются в производительные силы (система личных и вещественных факторов производства). В правовом аспекте мы говорим о работнике или трудовых коллективах с их способностью к труду, о собственности (используемая и производимая). Труд (собственно работы или услуги, выполняемые работниками или трудовыми коллективами) и собственность (средство и предмет труда), составляют базисные элементы конструкции юридического лица (результат соединения труда людей и собственности вторичен и не рассматривается как базовая характеристика юридического лица).

Публичное или частное объединение не возникает само по себе, их создание обусловлено интересом (коллективным или частным) и действительно-волевым проявлением этого интереса социумом или признаваемым дееспособным физическим лицом. Как отмечалось классиками отечественной романистики, содержание названного интереса было связано с управлением общим имуществом, а также управлением частно-корпоративным имуществом и его использованием.

Повторимся, использование этих имущественных фондов предполагает одновременное использование труда человека (общественного или индивидуального труда) и это обстоятельство позволяет выделить вторую со-

¹ Римское частное право: Учебник / под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. – М.: Юриспруденция, 2000. – 448 с. С. 95.

² Борисов А.М. Диалог с И.Б. Новицким о псевдоперсонах в римском праве // История, теория, практика российского права [Текст]: сб. науч. работ: Вып. 9 /отв. ред. В.В. Захаров. – Курск. гос. ун-т. – Курск: КГУ, 2013. – 272 с. С. 11, 18–19.

ставляющую названного интереса – использование объединённого труда. Очевидно, что эти фундаментально-экономические категории – имущество и труд – получили определённое юридическое оформление в форме публичных и частно-публичных объединений (праюридических лиц) древнеримского права.

Названные стороны интереса дополняются обстоятельствами, позволяющими встроить эти связи в теорию правоотношения. Во-первых, наличие связи в данном правоотношении (юридическое лицо как правоотношение) одного субъекта с другим субъектом посредством их волевых устремлений и актов волевого правового поведения. Во-вторых, здесь раскрывается значение правосознания (коллективного или индивидуального), формирующего волю и последовательность волевых правовых действий того или иного субъекта, а также являющегося интеллектуально-психическим источником соответствующих инициатив построения и развития общественных отношений.

Выход на теорию правосознания обусловлен антропологической природой всех социальных союзов и значением идеально-образного и сущностного уровней правосознания для, прежде всего, зарождения, а затем и развития коллективных отношений.

Следовательно, можно предположить следующее: юридическое лицо – это правовая форма объединения имуществ и благ, труда (по С.А. Муромцеву¹) людей, выражающая соответствующий коллективный или частный интерес.

С юридико-технической точки зрения – это способ юридизации волевых устремлений субъектов общественной или индивидуальной инициативы к объединению и легитимации имуществ и труда с целью достижения определённого социально значимого результата деятельности.

Самостоятельными юридическими субъектами коллективные объединения признавались юристами конца XIX – начала XX века, но не юристами Древнего Рима, действительно давшими нам идею юридического лица и её практическое выражение. Эта идея и её правовая форма трансформировались в существующую правовую модель юридического лица как полностатутного участника правоотношений.

Обратимся к одной из последних работ И.А. Покровского «Основные проблемы гражданского права», в которой нас заинтересовал раздел IX «Проблема производной личности (юридического лица)»².

«Возрастающее значение личности не может не сказываться и в юридическом положении создаваемых ею союзов и учреждений». В этих по-

¹ Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. – М.: «Статут», 2003. – 685 с. (Классика российской цивилистики). С. 594.

² Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 4-е, испр. М.: «Статут», 2003. – 351 с. (Классика российской цивилистики). С. 144–161.

следних индивидуальная личность находит себе естественное продолжение и восполнение»¹.

Здесь, с первых строк раздела И.А. Покровский констатирует как социальный факт возрастание роли человека и в общем смысле приведенной фразы улавливается инструментальное значение «союзов и учреждений».

Дальнейшее развитие идеи производной личности, как и её воплощение в правовой жизни, должно было бы вестись в рамках естественно-правового подхода к наиболее полной реализации прав и свобод человека. Тогда самоценное значение приобретает личность человека как правовая абстракция и личность конкретного человека как частный случай его правового положения, а правовое регулирование любых правоотношений должно было бы осуществляться таким образом, чтобы набор элементов правового статуса конкретной личности точно соответствовал идеальным представлениям о правах и свободах человека, а также о полноценном правовом их обеспечении в условиях необходимого сопряжения публичного и частного интереса.

Право в цивилизационном смысле, как квинтэссенция справедливости в жизнеустройстве человеческого мира, должно основываться на общечеловеческих ценностях, оно должно представлять собой продукт осмысления жизненных реалий всем обществом, а не продукт волевого нормотворчества части общества. Идеальная правовая система в своих нормах и в правоприменении должна обеспечивать полное тождество правового статуса любого конкретного человека в любых правоотношениях (правоотношение можно описать по схеме «субъект-субъект», и для начала XX века характерны отношения фабрикант – рабочий, помещик – крестьянин, чиновник – проситель и т.д.) правовому статусу человека с обязательными гарантиями справедливого обеспечения как индивидуального, так и общественного интереса.

Праву одного должна соответствовать обязанность другого и наоборот, праву второго – обязанность первого. Пробелы в соответствующих нормативных соотношениях деформируют идею справедливости в праве, определяя тупиковые пути его развития.

Исторические реалии таковы: правовые системы формировались как продукт интеллектуальной и психической волевой жизнедеятельности меньшей части общества; они эволюционировали, продолжительно набирая потенциал справедливости; в переходные периоды утрачивали регулирующие свойства и отмирали, заменяемые новыми правовыми системами, создаваемыми также частью общества, но другой и в новых условиях составляющей большинство его членов, и оказывающими определённое влияние на иные государственные правовые системы.

¹ Там же. С. 144.

История проблемы производной личности связывается И.А. Покровским с присущими древнему обществу и жизнеспособными в настоящее время разнообразными формами коллективизма, имеющими принудительный характер (род, община и т.д.)¹, с дополняющими их новыми союзами «такого же недобровольного, принудительного типа»² (профессиональные корпорации, западноевропейские цехи), которые неизбежно становились «тормозом для свободного проявления индивидуальной силы и инициативы»³. Как полагает И.А. Покровский, развитие личности требует «замены союзов принудительных союзами добровольными»⁴ (товарищества, иные союзы и учреждения).

В приведенных примерах в качестве отличительных признаков таких «форм коллективизма» называются принудительность пребывания и добровольность участия.

Естественность связи с родами и общинами подчёркивается самим И.А. Покровским: вне родов и общин «индивид находиться не может»⁵. Данное обстоятельство не позволяет нам принять утверждение о принудительности пребывания человека в таких формах, поскольку не он создаёт эти формы, его связь с ними имеет естественно-природный характер через отца и мать. Тем более, что член общины (рода) был волен покинуть этот союз.

Принудительность пребывания в профессиональных корпорациях или цеховых союзах не абсолютна, ибо она определяется, например, способностями (профессиональными) человека или его волей состоять или не состоять в созданном до него объединении.

Если принудительность связывается с устанавливаемыми для членов таких объединений обязанностями и ограничениями, то таковые устанавливались и в названных И.А. Покровским добровольных союзах. Наоборот, если добровольность подобных форм связывается с инициативой учредителей, то не исключаются случаи учреждения союзов в силу сложившейся необходимости или определённых обязанностей (для целей призрения бедных или просвещения). Примеры властного учреждения коллегий приводит С.А. Муромцев⁶, указывая на принятие с IV века в Древнем Риме принудительных мер по обеспечению членского состава подобных организаций⁷.

Применение к союзам индивидов характеристик «принудительный» или «добровольный» весьма относительно и может нести деструктивное

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Муромцев С.А. Указ. соч. С. 602–603.

⁷ Там же. С. 603.

начало для формирующегося мировоззрения человека в контексте формулы «плохо-хорошо»: семья – союз принудительный, общество граждан – союз принудительный; организованная преступная группа – союз добровольный; экстремистская организация – союз добровольный.

Союзы становятся принудительными или добровольными в зависимости от способов их формирования – против воли человека или в соответствии с его независимым волеизъявлением. Внутренние правила, подчиняющие человека целям и образу существования союза или предоставляющие ему абсолютную свободу поведения в избранной им общности, производны от учредительного акта и не определяют принудительности или добровольности той или иной формы коллективизма при согласии индивида с этими правилами (частный момент) и соответствии этих правил общепринятым взглядам (публичный императив). С другой стороны, принудительный характер союза может проявляться, например, в правилах, исключающих возможность добровольного выхода индивида из союза или наследственность членства в нём, а добровольный характер – в правилах, определяющих свободный выбор членства.

Признание возрастающей роли личности должно соотноситься с правилами использования обществом коллективных форм общежития (обеспечивается правом), публично определяемыми целями подобных объединений (обеспечивается правом) и практической деятельностью таких объединений (обеспечивается правом и правоприменением в форме соответствующего контроля или надзора).

Философское содержание вышеприведенного тезиса не оставляет в правоотношениях места псевдоперсонам как субъектам права, одновременно допуская совершенствование их юридического оформления. Действительно, признавая юридическое лицо юридической конструкцией (формой), предназначенной для определённых целей, связанных с реализацией фактических общественных отношений, субъектами которых являются люди, нам вполне по силам разработать соответствующий правовой институт.

Порассуждаем: если одна сторона общественного отношения – фикция, то логично ли признавать факт наличия правоотношения? В этом случае правоотношение также приобретает признак фиктивности, а в абсолюте – ничтожности, с принижением роли его фактического участника – человека.

Логично предположить, что возрастающая роль человека предопределяет его возрастающую ответственность, и И.А. Покровский отмечает наличие теневых сторон деятельности различных юридических лиц, необходимость принятия специальных мер против злоупотреблений, наличие ресурса для оздоровления отношений с участием юридических лиц за преде-

лами гражданского права – в улучшении общих условий экономической и общественной жизни¹.

Рассуждая об ответственности юридических лиц за правонарушение, автор называет «отдельных агентов» «стрелочниками», имея в виду какие-то частные случаи деликтов, и критически отзывается о подходе, в соответствии с которым вина агентов юридического лица рассматривается как вина самого юридического лица. Объяснение такое – причиной нарушения может быть акт корпоративной воли, как некоторое произведение индивидуальных волей, согласно которому действовал агент, что допускает, в известных пределах, и уголовную ответственность юридического лица².

Однако этот пример связан с функцией исполнителя (субъекта правоотношения, являющегося объектом корпоративного управления), тогда как значительное количество нарушений совершается именно субъектами управления, скрывающимися за фигурой исполнителя или личиной корпорации (юридического лица).

Приведённая аргументация более чем вековой давности сохраняет свою актуальность в настоящее время.

Тем не менее, возможен выбор иных моделей юридического лица, юридической ответственности перед государством его представителей, внутрикорпоративных отношений по поводу ответственности представителя юридического лица.

Один концептуальный вариант развития права – правоотношение с безусловной персонификацией сторон, приданием человеку абсолютной статусной определённости. Второй – правоотношение с условной персонификацией сторон, с нарастающим объёмом условностей как теоретико-правового, так и нормативно-правового свойства, превращающих правоотношение в фикцию, уводящих право в лабиринты юридически иллюзорных конструкций (например, вины юридического лица), затрудняющих уяснение или выявление действительных связей (действий и их мотивов) между фактическими участниками таких правоотношений.

Институт правоохраны публичных интересов может и должен учитывать, но в недостаточной мере учитывает тот факт, что члены союза (юридического лица) «закрываются его новой юридической личностью»³, именно воля индивидуальных лиц (членов такого союза) «продолжает жить в создаваемых ими образованиях», особенно в случаях, когда эта воля имеет следствием нарушение законодательства.

¹ Там же. С. 153.

² Там же. С. 157–158.

³ Там же. С. 145.

Государство может сохранить своё положение «не иначе, как лишь путём широкого признания прав человеческой личности и её индивидуального или коллективного голоса»¹.

Остаётся добавить, что не менее актуально для вышеуказанных целей установление обязанностей личности и поиск более эффективной модели проявления «коллективного голоса» граждан общества.

Библиографический список:

1. Борисов А.М. Диалог с И.Б. Новицким о псевдоперсонах в римском праве // История, теория, практика российского права [Текст]: сб. науч. работ: Вып. 9 / отв. ред. В.В. Захаров. – Курск: гос. ун-т. – Курск: КГУ, 2013. – 272 с.
2. Бентам Иеремия. Принципы законодательства; О влиянии условий времени и еста на законодательство; Руководство по политической экономии. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. – 144 с. (Классика политэкономической мысли).
3. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. – М.: «Статут», 2003. – 685 с. (Классика российской цивилистики).
4. Покровский И.А. История римского права. – Вступит. статья, переводы с лат., научн. ред. и коммент. А.Д. Рудокваса. – СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», Журнал «Нева», 1999. – 533 с.
5. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 4-е, испр. М.: «Статут», 2003. – 351 с. (Классика российской цивилистики).
6. Римское частное право: Учебник / под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. – М.: Юриспруденция, 2000. – 448 с.
7. Рудоквас А.Д. Иосиф Алексеевич Покровский и изучение римского права в России. См.: Покровский И.А. История римского права. – Вступит. статья, переводы с лат., научн. ред. и коммент. А.Д. Рудокваса. – СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», Журнал «Нева», 1999. – 533 с.

¹ Там же. С. 161.